

Сон прозрачной вуалью окутал город. Фонари не горели, машины не тарахтели, собаки молчали, прохожих под окном не было. Над дремлющим городом склонился угрюмый месяц, дотошно изучающий темные проемы окон, и, не найдя ничего примечательного, схоронился в хмуром одиноком облаке. В наступивших сумерках во дворе ничего нельзя было различить. Только северный, холодный ветер продолжал свое дело: шумно пыхтел в мелкие щелочки деревянного переплета, словно хотел коротким путем забраться в дом. Как только первые лучи нового утра дотянулись до кромочек крыш, исчез.

Мрачные мысли бабушки Клавы, не находя пристанища, кружились вокруг нее, образуя монотонную тяжелую ауру; в сердечном клапане уже давно образовались глубокие трещины. Глаза невыносимо болели, веки отяжелели, но заснуть не могла. Старушка сидела на кухне у окна в инвалидном кресле в одной ночной сорочке, подпирая подбородок кулаками. Вся жизнь черно-белым калейдоскопом рассыпалась перед глазами. Каждый день похож на предшествующий. Ни желаний, ни душевных сил почти не осталось. Дух, как раненая, падающая с высоты птица, сложившая крылья, покидал больное тело. Зачем судьба выбрала именно ее для этого бессмысленного существования? Вопросы без ответов беспомощно зависли в воздушном пространстве.

Женщина, потянувшись, опустила босую ступню на ледяной пол, холодок свежести поднялся от пятки до макушки. Руками подняла ногу обратно на подножку.

— Нынче осень ранняя! — уныло вздохнула она. Медленно передвигаясь по скрипучим половицам, подъехала к окну в большой ком-

нате и посмотрела во двор. В центре — две стройные березки, их посадили вместе с подругой, когда закончила школу. Молодые стволы тянулись к небу настолько близко друг к другу, что издали могло показаться, что это одно большое дерево. Еще вчера березы выглядели нарядными, как ученицы во время выпускного бала в длинных вечерних платьях. За ночь длина подолов стала заметно короче. Многочисленные листья-лохмотья оказались беспорядочно разбросанными на поверхности земли.

— ПОДРУГА! Лучшая! Любимая! Интересно, где она сейчас? Что с ней? Двадцать лет дружбы... настоящей, крепкой, искренней. В школе и в техникуме сидели за одной партой. На работу устроились на одно предприятие. Постоянно созванивались, праздники отмечали весело, дружно, с размахом. Радость делили пополам... А горе? Кому нужна чужая беда, чужая боль? Столько лет верила в чудо? Напрасно с надеждой прислушиваясь к каждому шороху и вглядываясь в закрытую дверь, ждала, что подруга придет, сядет рядом на краешек кровати, возьмет за руку, заглянет в зеленый омут ее глаз и спросит: «Как настроение, как дела?»

— Нет сил вспоминать,— прошлое подкинутаой гремучей змеей сдавило горло, стало тяжело дышать. Клавдия проехала на кухню, плеснула из чайника в чашку немного воды, выпила. Вновь уперлась глазами во двор. Слева от берез возвышалась добрая тетушка осина, ее посадил дедушка. Он тогда только-только вернулся с войны и, чтобы хоть как-то облагородить пустырь перед домом, привез веточку из леса. Бабушка рассказывала, что саженец прижился сразу. Почтенная осина не раз испытала на себе веретено судьбы и сейчас не торопилась сбрасывать теплый лиственный палантин, потому как берегла от стужи старые «косточки». Справа ближе к окну, задрав голову к небу, находилась сирень. Это папа привез когда-то от своих родителей тоненький прутик и воткнул прямо в клумбу, никому ничего не сказав. Веточка разрослась, превратившись в роскошный куст, весь покрытый цветами, только тогда папа признался, что посадил как раз в тот день, когда пришел свататься. Он был уверен, что избранница примет предложение. В этом году сирень, видимо, поссорилась с хозяйкой осенью, ее крона осталась зеленой.

Родители! Кто может быть дороже и ближе? Кто может только по одному твоему взгляду, по голосу, по шагам понять твое настроение, состояние души? Вспомнилось, как в первый и последний раз получила двойку. Портфель еле тащила. Казался неподъемным, в него будто кирпичей наложили. Ноги заплетались, не хотели слушаться и шаркали подошвами по земле. Мама, видимо, почувствовав нелад-

ное, в испуге выскочила на крыльцо и сразу засыпала вопросами: «Что случилось? Почему такой вид? Кто обидел?». «Двойку получила». «И всего-то?» — весело рассмеявшись, обняла и поцеловала она.

— Мама! Как давно лишилась маминой любви, ласки, заботы, а до сих пор хочется посадить на диван, взяв расческу, забраться на спинку и заплетать тебе бесчисленное множество тонких косичек, при этом незаметно раскрывая сокровенные детские тайны и мечты,— непрошенная слеза покатила по щеке.

За окном что-то изменилось, зашевелилось, двор ожил. Это вернулся ночной гость — порыв ветра; с березок слетели остатки матери-листвы. Еще порыв, тетушке осине трудно сопротивляться неистовой силе ветра, теплая накидка податливо распахнулась, стремительно съехав с покатых «плеч», рухнула вниз. Сирень в страхе беспомощно прижалась к окну. Безобразник потрянул ее так, что остатки листьев осыпались, как ненужный мусор. Покончив с деревьями, ветер решительно поднялся вверх, оседлав серое безликое облако, помчался на север.

Потеряв золотые наряды, деревья стали выглядеть оголенными. Во дворе стало совсем неуютно. Черная промозглость заставила съежиться от холода. Тоскливые размышления не давали покоя старушке:

— Вот так и моя, стремительно пролетевшая, собственная жизнь схожа с этими листочками. Насколько коротка она...

Рассуждения прервал звонок в дверь. Старушка суетливо заторопилась, привычно вращая колеса коляски, выехала в прихожую, открыла дверь. Муж вернулся с ночной смены, следом появились сыновья с семьями.

— Бабушка, посмотри, мы привезли саженцы дубков. Давай дубки во дворе посадим, пусть вырастут большими-большими и крепкими,— в руках малыши держали молодые побеги деревьев. Корни, которых были аккуратно обернуты полиэтиленом.

— Хорошо, только оденусь,— жизненные силы возвращались, медленно заполняя молодым, задорным, живительным бальзамом образовавшиеся глубокие сердечные расщелины.

Муж пошел в подвал за лопатой.

— Мы пока наберем в ведро воды,— перебивая друг друга, тараторили дети.

Обняв и поцеловав в щечки своих любимцев, Клавдия направилась в спальню, подумав про себя: «А все-таки жизнь прекрасна и она продолжается!»